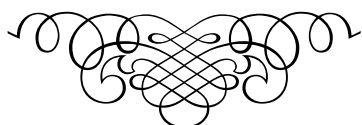

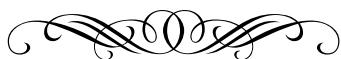
Посвящается Джонатану

Теперь пингины — мое единственное
утешение в жизни... невозможно злиться,
когда смотришь на пингвина.

Джон Рёскин

1

ВЕРОНИКА

*Баллахеи, Айршир, Шотландия
Май 2012 года*

Я велела Эйлин избавиться от всех зеркал. Раньше они мне даже нравились, но теперь нет. Зеркала слишком правдивы. В них больше правды, чем женщина готова вынести.

— Вы уверены, миссис Маккриди? — ехидничает Эйлин, намекая на то, что слишком хорошо меня знает. Она постоянно так делает. Одна из ее бесчисленных дурацких привычек.

— Конечно же уверена!

Эйлин шелкает языком и склоняет голову набок, ее локоны падают на плечо. Удивительно, как ей удается так изгибаться при ее-то широкой шее.

— Даже то чудесное зеркало в позолоченной раме над камином?

— Да, даже его, — терпеливо отвечаю я.

— И все зеркала в ванной?

— Их в первую очередь!

В ванной особенно не хочется видеть свое отражение.

— Как скажете.

Тон Эйлин становится почти что дерзким.

Она приходит каждый день. В основном занимается уборкой, но ее работу нельзя назвать идеальной. Девушка разыгрывает бурную деятельность, думая, что я не замечаю грязи вокруг.

У Эйлин есть всего несколько выражений лица: веселое, любопытное, озабоченное, растерянное и отсутствующее. Сейчас она приняла озабоченный вид. Снует туда-сюда, жужжит как пчела, хватается зеркала одно за другим и выносит в коридор. Она не может закрывать за собой двери, у нее, видите ли, руки заняты, поэтому я хожу за ней по пятам и аккуратно их прикрываю. Чего просто не выношу в жизни — так это открытые двери.

Направляюсь в одну из двух гостиных — ту, что побольше. На обоях над камином теперь красуется неприличный темный прямоугольник. Придется повесить сюда что-то взамен. Написанный маслом натюрморт с овощами, например. А может, репродукцию Констебла. Она будет выигрешно сочетаться с зеленым цветом бархатных занавесок. Подойдет какая-нибудь пасторальная сцена с холмами и озером. Лучше всего, чтобы это был пейзаж, не обремененный человеческим присутствием.

— Ну вот, миссис Маккриди. Кажется, все.

Зато Эйлин хотя бы не называет меня по имени. Большинство молодых людей теперь совсем не используют слова «мистер», «миссис» и «мисс», что, на мой взгляд, отражает прискорбное состояние современного общества. Первые шесть месяцев я обращалась к Эйлин «миссис Томпсон». Называть ее по имени мне пришлось только потому, что она очень просила. («Прошу вас, называйте меня Эйлин, миссис Маккриди. Так мне будет намного приятнее». — «Ну а ты продолжай называть меня миссис Маккриди, Эйлин, — ответила я. — Так будет намного приятнее мне».)

Без зеркал дома стало намного лучше — теперь меня не преследуют на каждом углу жуткие отражения Вероники Маккриди.

Эйлин упирает руки в бока.

— Тогда я все это убираю? Сложу их в дальнюю комнату, там как раз есть свободное место.

В дальней комнате темно и довольно прохладно, она абсолютно непригодна для жизни. Там теперь хозяйничают пауки. Эйлин приняла мудрое решение использовать ее как хранилище для всего, от чего я решаю избавиться. Девушка твердо убеждена, что необходимо приберечь эти вещи «на всякий случай».

Она таскает зеркала через кухню. Мне приходится сдерживать свое желание закрывать двери, пока она носится туда-сюда — ведь это только усложнит ей жизнь. Успокаиваю себя мыслью, что вскоре все двери снова будут закрыты.

Эйлин возвращается пять минут спустя.

— Извините, миссис Маккриди, что спрашиваю, но мне пришлось передвинуть эту коробку, чтобы уместить все зеркала в комнате. Вы знаете, что это такое, что там внутри? Вам она нужна? Я могу попросить Дуга вынести ее на мусорку в следующий раз.

Эйлин кладет деревянную коробку на кухонный стол и пялится на ржавый замок.

Я игнорирую ее расспросы и перевожу тему:

— Что за Дуг?

— Вы знаете Дуга. Это мой муж.

Я и забыла, что она замужем. Меня не знакомили с этим несчастным мужчиной.

— Нет уж, нет надобности выбрасывать мои вещи в мусорку ни в ближайшем, ни в далеком будущем, — говорю я. — Можешь пока оставить коробку на столе.

Эйлин проводит по ней пальцем, оставляя полосу на пыльной крышке. На ее лице возникает выражение номер два (любопытное). Она заговорщически наклоняется ко мне. Я отстраняюсь, так как не желаю вступать с ней ни в какой сговор.

— Я попыталась открыть замок, чтобы посмотреть, есть ли внутри что-то ценное, — признается она, — но он заперт. Чтобы открыть его, необходимо знать код.

— Я в курсе, Эйлин.

Ей, видимо, кажется, будто я тоже не имею ни малейшего представления о содержимом этой коробки. При мысли, что Эйлин могла заглянуть внутрь, у меня по коже бегут мурашки. Я решила установить замок на этой коробке как раз потому, что не хотела, чтобы другие совали туда свой любопытный нос. Только одному человеку на всей планете позволено увидеть ее содержимое, и этот человек — я.

Я не стыжусь, нет, дело не в этом. По крайней мере... Нет, не буду ворошить прошлое. В коробке спрятаны вещи, о которых мне удавалось не вспоминать десятилетиями. Теперь же один ее вид вызывает у меня дрожь. Я резко сажусь.

— Эйлин, не могла бы ты вскипятить чайник?

Часы бьют семь вечера. Эйлин уже ушла, и я осталась одна в доме. Принято думать, что люди вроде меня боятся одиночества, но я, напротив, нахожу в нем истинное удовольствие. Конечно, время от времени присутствие других необходимо, но люди почти всегда меня утомляют.

Сейчас я сижу у камина в кресле в стиле королевы Анны. Это моя «уютная», более интимная гостиная. Увы, камин здесь не настоящий, ни с дровами и углем, а электрический, лишь имитирующий огонь. Пришлось смириться с этим так же, как и со многим другим. Зато камин хотя бы справляется со своим главным назначением — он греет комнату. В Айршире обычно довольно прохладно, даже летом.

Я включаю телевизор. На экране появляется тощая девушка, которая яростно жестикулирует и надрывает голосовые связки, завывая что есть мочи. Я торопливо

переключаю каналы. Пропускаю викторину, детективный сериал и рекламу кошачьей еды. Когда я возвращаюсь на Первый канал, девушка все еще вопит «Я — титан». Кто-то должен рассказать ей, что это не так. Она просто глупая, крикливая, испорченная девчонка. Какое облегчение, когда она наконец-то замолкает. Начинается программа «Вопросы планеты Земля», единственное, что стоит смотреть по телевизору. Все остальное там — это секс, реклама, знаменитости, участвующие в викторинах, знаменитости, которые готовят, знаменитости на необитаемом острове или в тропическом лесу, знаменитости, которые берут интервью у других знаменитостей и всякие недотепы, которые из кожи вон лезут, чтобы стать знаменитостями (обычно им удастся лишь выставить себя идиотами). Программа «Вопросы планеты Земля» — долгожданное отдохновение от всего этого, программа, которая наглядно показывает, насколько животные разумнее людей.

К своему сожалению я узнаю, что текущий сезон «Вопросов планеты Земля» закончился и вместо него теперь программа под названием «Тяжелая участь пингвинов». Радостно отмечаю, что программу ведет Роберт Сэдлбоу. Этот человек — живое доказательство, что иногда можно стать знаменитостью заслуженно. В отличие от большинства звезд он действительно кое-чего добился. Например, несколько десятилетий колесил по свету с кампанией по привлечению внимания к проблемам окружающей среды. Он один из немногих людей, к которым я испытываю некоторое уважение.

В этот вечер Роберт Сэдлбоу на экране моего телевизора закутан в плащ с капюшоном и стоит посреди белой пустыни. Снежинки кружатся у его лица. За ним — кучка темных силуэтов. Камера приближается, и оказывается, что это пингвины, собравшиеся в одну огромную стаю, напоминающую бурлящий поток воды. Некоторые из них

жмутся друг к другу, другие спят на животах, третьи заняты своими делами, но не покидают группу.

Мистер Сэдлбу рассказывает мне, что на планете существует восемнадцать видов пингвинов (девятнадцать, если считать Белокрылого малого голубого пингвина отдельным видом), многие из них находятся под угрозой исчезновения. Во время съемок программы, сообщает ведущий, он проникся безграничной любовью и уважением к этим птицам — ко всему семейству в целом, к каждому виду и каждому пингвину в отдельности. Они живут в самых суровых условиях на планете и ежедневно принимают вызовы судьбы с таким азартом, что многим людям стоило бы поучиться у них.

— Какой трагедией для нашей планеты станет потеря даже одного из видов! — сокрушается Роберт Сэдлбу, устремив свои голубые глаза прямо на меня.

— И правда трагедией! — соглашаюсь я. Если Роберт Сэдлбу так переживает за пингвинов, то и мне стоит последовать его примеру.

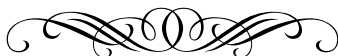
Ведущий рассказывает, что каждую неделю он будет выбирать один из видов и рассказывать о его особенностях и отличиях от других. Эта неделя посвящена императорскому пингвину.

Я ошеломлена. Оказывается, каждый год императорские пингвины преодолевают около семидесяти миль по ледяной пустыне, чтобы добраться до места размножения. Это по-настоящему впечатляющее достижение, особенно если учесть, что пешие прогулки — явно не их конек. Они ходят точно как Эйлин, неуклюже перебирают лапами, без единого намека на грациозность и изящество. Кажется, будто им неудобно в собственной шкуре. Однако же их целеустремленность поражает. Когда программа подходит к концу, я поднимаюсь на ноги. Должна признать, мне это дается не так тяжело, как многим другим,

дожившим до моих лет. Я бы даже назвала себя бойкой. Мне прекрасно известно, что на мое тело уже нельзя положиться. В прошлом оно работало безукоризненно, как машина, но теперь ему явно не хватает пластичности и выносливости. Я должна быть готова к тому, что однажды, в недалеком будущем, оно подведет меня окончательно. Но пока я чувствую себя на удивление прекрасно. Эйлин в своей очаровательной манере беспрестанно повторяет, что я «крепкая как камень». И каждый раз меня так и подмывает ответить ей: «...которым хочется вас огреть, моя дорогая». Но я сдерживаюсь. Нужно стараться избегать грубости любой ценой.

На часах двадцать пятнадцать. Я направляюсь на кухню, чтобы выпить вечернюю чашечку дарджилинга и съесть вафлю с карамелью. Мой взгляд падает на деревянную коробочку, которая все еще стоит на столе. Я размышляю, а не набрать ли код на замке и не заглянуть ли внутрь. Это нелогично и даже в каком-то смысле нездорово, но мне хочется это сделать. Нет, дурацкая затея. Произойдет в точности как с Пандорой в том мифе — это тут же выпустит наружу тысячу демонов. Коробка абсолютно точно должна вернуться обратно к паукам, мне не стоит даже прикасаться к ней.

2

ВЕРОНИКА

Жизнь стала просто невыносимой. Сегодня утром я попыталась сотворить на голове некое подобие прически, но это оказалось не так-то просто без зеркала. Я вернулась в спальню, но выяснилось, что и оттуда зеркало испарилось. Как и в коридоре, и в гостиной.

Я принимаюсь за завтрак, с раздражением размышляя, куда же могли подеваться зеркала.

В девять утра объявляется Эйлин.

— Доброе утро, миссис Маккриди! Какой чудесный сегодня день!

Она такая радостная, это даже раздражает.

— Что ты сделала с моими зеркалами?

Эйлин медленно поворачивает голову, точно лягушка.

— Я сложила их в дальней комнате, как вы мне и велели!

— Какая ерунда! Как же мне причесываться и наносить макияж без зеркала? — Какое все-таки неразумное существо. — Не могла бы ты сегодня первым делом вернуть их на место?

— Их все?

— Да, все до единого.

Она обиженно вздыхает.

— Как скажете, миссис Маккриди.

Именно так, как скажу. Надо полагать, зарплату я ей плачу не просто так.

До меня слишком поздно доходит, что деревянная шкатулка с секретом по-прежнему на кухонном столе, а ведь Эйлин надо всюду сунуть свой нос.

— Значит, и вам она не поддалась? — произносит она, едва завидев коробочку. Видимо, думает, что мне просто не удалось ее открыть. — Я могла бы попросить Дуга спилить замок ножовкой, если вы не помните код.

— Я помню код, Эйлин. Моя память безупречна. Я могу наизусть цитировать целые строфы из «Гамлета», а я заучила их еще в школе. — Она закатывает глаза. Ей кажется, что я не заметила, но я все вижу. — Не хочу, чтобы какой-то там Дуг возился с моей коробкой, — продолжаю я. — Было бы чудесно поскорее увидеть все зеркала на своих местах.

— Конечно, миссис Маккриди. Как вам угодно.

Я наблюдаю, как девушка вытаскивает зеркала из дальней комнаты и возвращает их на прежние места, причитая себе под нос.

Когда все зеркала вновь там, где им положено быть, я принимаюсь за прическу. Волос у меня осталось не так уж много, да и те, что есть, почему-то совсем побелели, но я люблю, чтобы они выглядели опрятно. Однако лицезреть свое отражение мне не нравится. Не самое приятное зрелище, особенно если вспомнить, какой я была в молодости. Давным-давно там правда было на что посмотреть. Меня называли «настоящей красавицей», «сногшибательной» и «ослепительной». Теперь от былой красоты не осталось и следа, замечаю я, проводя расческой по своим жидким волосам. Кожа истончилась и обвисла. Лицо испещрено морщинами. Нависшие веки. Скулы, которые когда-то украшали мое лицо, теперь уродливо выпирают. Давно пора свыкнуться с этими

отвратительными недостатками, но мне все еще больно видеть себя такой.

Я делаю все возможное, чтобы выглядеть лучше, — наношу помаду, пудру и румяна. Но факт остается фактом — я ненавижу зеркала.

Ветер пронизывает насквозь. Такой дикий влажный ветер встречается только в Шотландии. Я укутываюсь в пальто и решаю пойти на север по прибрежной дороге. Всегда считала, что ежедневные прогулки полезны и какой-то непогоде уж точно меня не остановить. По левую сторону пенится море, рисуя на берегу причудливые узоры, фонтаны брызг взмывают в воздух.

Благодаря трости я могу крепко ступать по неровной земле и песку. Я захватила с собой и сумочку цвета фуксии с золотой отделкой, но теперь она неприятно бьется о бедро. Нужно было оставить ее на крючке в прихожей, но никогда не знаешь, пригодятся ли тебе носовой платок или обезболивающее. Еще я взяла щипцы для сбора мусора и небольшой пакет. Всю свою жизнь я собираю мусор, потому что однажды мой отец сказал мне: «Этот небольшой жест помогает нам помнить о мире вокруг и немного искупить вину за хаос, который принес в него человек».

Даже на скалистом побережье Айршира человечество умудрилось оставить свой след.

Не так-то просто орудовать палкой и одновременно тащить пакет для мусора, сумочку и щипцы, особенно в такой ветер. Суставы начинают ныть от напряжения. Я стараюсь распределить вещи так, чтобы во время очередного порыва ветра они поддерживали меня, а не тянули назад.

Высоко в небе раздается крик чайки, через секунду птица скрывается за облаком. На мгновение я замираю, чтобы насладиться красотой морского пейзажа во время

бури. Обожаю скалы, волны и дикую природу. Вдруг я замечаю, как что-то красное раскачивается на волнах. Это что — упаковка от чипсов? Или от печенья? В молодости я бы бросилась вниз на пляж, забралась бы в воду и достала ее, но теперь, увы, я на такое уже не способна. Брызги летят мне в лицо и стекают по щекам, словно слезы.

Людей, которые бросают мусор на природе, нужно расстреливать.

Я с боем возвращаюсь домой, преодолевая порывистый ветер. Оказавшись у главных ворот, я чувствую, что совсем выбилась из сил.

Ко входу в Баллахей ведет внушительных размеров подъездная дорога — дом окружает раскинувшийся на трех акрах сад. Большая часть сада обнесена стеной, и за это, кстати, я особенно люблю это место. За этими стенами прячутся кедры, сад камней, фонтан, несколько статуй и четыре клумбы. За ними ухаживает мой садовник мистер Перкинс.

Подойдя к дому, я поднимаю глаза, чтобы насладиться его величественным видом. Баллахей — это увитый плющом особняк в позднем яacobинском стиле, его стены выложены кирпичом и камнем. Дом с двенадцатью спальнями и несколькими скрипучими дубовыми лестницами явно не лучшее место для меня. Содержать его — непростая задача. Штукатурка осыпается, и ужасно просел фундамент, а на чердаке завелись мыши. Я купила его в 1956 году просто потому, что могла себе это позволить. Мне нравится, что дом расположен в уединенном и живописном месте, поэтому я так и не решилась переехать.

Захожу внутрь, оставляю на веранде пакет и шипцы, вешаю пальто.

Как только я переступаю порог кухни, мой взгляд сразу падает на шкатулку. Снова эта проклятая коробка. Ведь почти забыла о ней. Я сажусь за стол. Смотрю на коробку,

а она — на меня. В комнате царит напряжение. Эта вещь будто насмехается надо мной, подначивает, бросает вызов.

Но Вероника Маккриди не боится вызовов.

Я заставляю себя открыть шкатулку. Поворачиваю механизм и набираю цифры одну за другой. Поразительно, как я безошибочно восстановила в памяти код. Один девять четыре два: 1942. Я все еще помню. Замок плохо поддается, но это не удивительно: все-таки семьдесят лет прошло.

Первым на глаза попадает медальон. Маленький, овальный, с выгравированной на потускневшем серебре буквой «V» с вензелями, на тонкой изящной цепочке. Я беру ее в руки. Не сообразив, что нужно остановиться, я нажимаю на защелку, медальон открывается. Горло сжимается, из груди вырывается непроизвольный стон. Все четыре образца на месте, как я и думала. Какие же крошечные — как раз чтобы поместиться внутрь медальона. Они кажутся такими хрупкими.

Я не заплачу, нет. Ни в коем случае. Вероника Маккриди не плачет.

Я рассматриваю содержимое медальона: пряди волос четырех людей. Две из них переплетены — коричневая и каштановая. Третья — очень темная прядь роскошных волос, которые я так часто целовала в молодости. Рядом с ней прячется крошечная прядка, совсем тонкая и светлая, почти прозрачная. Не могу дотронуться до нее. Я захопываю медальон, закрываю глаза, пытаюсь успокоиться, дышу. Считаю до десяти. Снова открываю глаза. Аккуратно прячу медальон обратно в коробку.

В ней лежат два черных блокнота в кожаных переплетках. Я беру их в руки. Такие знакомые на ощупь. И то, как они пахнут — резкий аромат старой кожи, смешанный с парфюмом с нотками ландыша, — раньше я носила такие духи.

Я уже не могу остановиться. Открываю первый блокнот. Страницы сверху донизу исписаны размашистым